

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

БОМБАРДИРОВЩИКИ

Артем Владимирович Драбкин
Бомбардировщики
Серия «Война. Я помню.
Проект Артема Драбкина»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36327711
Артем Драбкин. Бомбардировщики: Яуза-пресс; Москва; 2018
ISBN 978-5-9955-0988-2

Аннотация

Они наносили удары по врагу днем и ночью, с пикирования, с «горизонтالي» и на бреющем, работали по переднему краю и вражеским столицам, стратегическим объектам и коммуникациям противника, аэродромам и кораблям. Они прорывались сквозь зенитный огонь и отражали атаки немецких истребителей, не раз возвращались из боевых вылетов «на честном слове и на одном крыле», горели в подбитых бомбардировщиках и неделями выбирались к своим с вражеской территории после вынужденных посадок...

Обо всем этом, о потерях и победах, о кровавом ратном труде и фронтовом братстве летчиков-бомбардировщиков они рассказывают на страницах данной книги.

Содержание

Карюков Валентин Дмитриевич

5

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Артем Драбкин

Бомбардировщики

© ООО «Яуза-пресс», 2018

Карюков Валентин Дмитриевич

Карюков Валентин Дмитриевич

— Родился я в 1922 году на Кубани. В станице Славянской, город Славянск в настоящем. Но мы не из казаков, а из иногородних. Отец у меня рабочий был. Школу окончил в 1940 году и поступил в Краснодарское военно-авиационное училище. А знаешь, почему я решил в лётное училище поступить? Потому что еще когда был пионером, то в «Пионерской правде» напечатали то ли рассказ, то ли повесть «Сёмка-лётчик». А на рисунке он был изображен в клетчатой фуражке, такая черно-белая, и я как раз ходил в такой. Вот меня и прозвали в школе Сёмка-лётчик. Ну, раз такая кличка, значит, я вроде как должен стать лётчиком. Хотя под конец школы я решил стать моряком и надумал поступать в Ленинградское военно-морское инженерное училище. Но потом мне вдруг на глаза попало объявление, что в Краснодарское лётное училище проводится набор на летчиков-штурманов. Причем я даже не понимал, что штурман — это совсем не лётчик. Думал, раз такое двойное название, то у нас будут две совмещенные должности — и штурман, и лётчик. Но главное, что меня прельстило, в объявлении было написано, что начало занятий с декабря месяца. Елки-палки, моих друзей уже забрали кого куда, а мне еще до декабря отдыхать можно. И я поехал в Краснодар. Вообще интересно у меня получилось. Приехал в училище, смотрю, тут группа собирается идти на экзамен. Ребята мне говорят: «Пошли экзамен

сдавать!» – «Ладно, – говорю, – пошли». И сдал вместе с ними все экзамены, а оказывается, до экзаменов надо же медкомиссию пройти. А я ее не проходил, и прямо оттуда меня взяли на мандатную комиссию. Прошел собеседование, мне вручили отпускной до декабря месяца и зачислили в училище. Я сказал: «Привет!» – и через два дня уехал.

С декабря месяца начали заниматься. Изначально нас должны были выпустить в качестве лётчиков-штурманов, но, по-моему, в самом начале 1941 года училище переформировали в лётную школу. Тут тонкость в том, что из школы выпускают не офицерами, командирами, как тогда говорили, а сержантами. После этого мы в Краснодаре долго не задержались, и где-то в мае месяце, после парада, всю школу перебазировали в Канск, это городок в Красноярском крае. Туда в авиашколу помимо нас прислали ещё ребят из Харькова, в общем, уже там продолжили обучение. Учились, конечно, на самых простых самолетах старой конструкции – Р-5. Это такие самолеты-разведчики. А в июне началась война...

Мы хотели подать заявления, чтобы нас отправили на фронт до окончания обучения, но нам жестко объяснили: «Придет время – вас отправят!» Но время шло, а нас все не отправляют. Уже 42-й год наступил, мы тот же материал по второму кругу прошли, а нас всё не отправляют. Самолетов-то нет. Всё, что более-менее приличное еще до этого собрали, укомплектовали инструкторами, курсантами и отправили на фронт. И осталась только полурухлядь, на кото-

рой мы и летали. Положение было тяжелое, в итоге в июне 42-го школу расформировали и всех курсантов перевели в ...Новосибирское пехотное училище, чтобы готовить из нас командиров минометных взводов.

– *И как вы восприняли перевод в пехоту?*

– Солдатское дело маленькое – что приказали, то и будешь делать. Тем более мы все время рвались на фронт, а тут хоть забрезжила надежда попасть туда. Но прибыли в Новосибирск и тоже задержались. По плану после ноябрьских праздников, после парада, мы должны были начать сдавать госэкзамены, после чего убыть на фронт. Но 6 ноября вдруг пришел приказ – откомандировать на пополнение гвардейских частей наиболее зрелых курсантов. Но если в пулеметном батальоне учились самые настоящие мальчишки – по 18 лет, то наш минометный состоял из бывших летных курсантов и мы уже по два года учились. Вот так получилось, что и это училище мы не окончили и нас отправили на пополнение гвардейских частей.

Приехали в Рассказово, это под Тамбовом, и там меня определили в 50-й артполк 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Её тогда после выхода из окружения вывели на отдых и пополнение. И там мы узнали, что дивизию готовят для отправки на Сталинградское направление. Где-то в начале декабря выехали и прибыли под Сталинград в состав Донского фронта. Вот там уже состоялось мое боевое крещение.

– *А кем вас назначили в этом 50-м артполку?*

– Я попал в полковую разведку. Причем простым разведчиком, даже не сержантом, а самым настоящим рядовым. И не только я, всех нас определили в рядовые, хотя у нас за плечами, считай, по два года училища. Ну, не важно. Понимаешь, нас готовили для штурмовой авиации, поэтому мы освоили много военных специальностей. Мы и радисты, могли на слух принимать морзянку по сто знаков запросто. Мы и топографы, и минометчики, и обычные пулеметы, конечно, знали. Так что когда нас перед эшелоном построили, то прямо как на рынке покупатели стали выбирать. Первый кричит: «Кто в радисты желает?» Ну, радисты же все, так что часть вышла в радисты. Дальше: «Кто артиллеристы?» В общем, называли специальности, и желающие выходили. А мы с товарищем стоим, слушаем всё это и решили: «Ну, выйдем, наверное, когда скажут «топографы». И, значит, объявляют: «В артиллерийский полк нужны топографы!» И не только мы, но и другие ребята вышли, и вот так очутились в этом артиллерийском полку. Но часть ребят определили в батареи, а нас в разведку. Артиллерийская разведка известно чем занимается – засекает огневые точки противника. Наша задача – обнаружение, наведение и корректировка по целям противника, так что работы хватало.

– *Быстро освоились?*

– А чего там осваиваться? Мы же минометное училище прошли, полевую работу и корректировку прекрасно знали. А потом я скажу, что штурманское бомбометание нас теоретически вот так научило всем этим артиллерийским нюансам.

Сталинградская битва выдалась очень тяжелая. Страшно было... После завершения окружения Сталинградской группировки наш Донской фронт стал наступать в сторону Новочеркасска. Там тоже пришлось очень и очень сложно. Как раз случились первые февральские оттепели, снег начал таять, кругом вода, по дорогам не проехать, у нас в валенках всё шкворчит... В общем, всё мокрое, а тут еще мокрый снег, дождик какой-то, и вот так мы немцев догоняли. Но пока мы идем, они уйдут. Потом завязывается бой – опять они оторвались, опять мы их догоняем. Но они же на технике, а мы на своих двоих, и всё равно догоняли.

– А полк на конной тяге был?

– Половина полка гаубицы возили на автомобилях, а пушки на конной тяге. Но понимаешь, вот эта вот слякоть и бездорожье просто убивали. Днем тебя дождик поливает или мокрый снег, эти шинели мокрые насквозь, ноги промокшие, а костры разжигать нельзя и спать негде... Вот так и сохло на нас всё это дело. Утром снова пойдём, и вот смотришь – идет колонна, а над ней пар. Вот так вот сушимся на ходу... Но к тому времени от нашего разведвзвода осталось

всего ничего, человек пять, и нас временно, до пополнения, распределили в штаб. А там в один из дней меня вдруг вызывает оперуполномоченный особого отдела дивизии: «Будешь моим ординарцем? Ты мне как раз подходишь». Я удивился даже. «Ну, подумай до вечера, и если готов, приходи». Ну, я подумал и согласился. Но недолго я у него пробыл. Месяца два всего, с февраля по апрель. За это время меня и ранило, правда, не особенно сильно, и ещё контузило немного. А получилось так.

Однажды пошли с ним в штаб полка. Приходим, он ушел к командиру, а я пошел туда, где рядовой состав коротает время. Там в комнате человек пять находилось, кто-то шутил, другие – смеялись. И вдруг слышу, летят бомбардировщики немецкие. А я их по звуку уже хорошо определял. Летят, и чувствую, что уже дело близко. И вдруг засвистели бомбы. Бежать из дома в щели было поздно, но нужно же что-то делать. И под крик «Ложись!» я как был упал на пол и прижался головой к стене. И тут несколько оглушительных взрывов... Знаешь, если от тебя в каких-то десяти метрах рвется бомба, то, наверное, звук хороший.

Когда очнулся, все тихо. Первое движение, это у меня уже отработано было, руками раз – пальцами пошевелить, руки целые, ноги целые. Значит, это нормально, но сдвинуться не могу, на мне что-то навалено. Подумал, если продвигаться вперед, там стена, не пройду. Остается только назад как-то вылезать. И знаешь, мне повезло, вылез. А как выбрался, по-

смотрел, оказывается, этот дом разнесло в пух и прах, всё обрушилось...

А я стою, ничего не соображаю и не слышу ничего. Оглушило так... Стою, смотрю на это – там дымок, там дымок, там, тут уже другие солдаты подошли. В общем, из этой комнаты я один живым остался... Но шинель моя вся изорвана, полприклада автомата нет... Смотрю, один товарищ, который прилёг на кровать, она на части стены висит, а у него полчерепа нет... В общем, первое время сам не свой ходил, и мой начальник мне говорит: «Иди в госпиталь!» – «Да нет, – говорю, – чего это я пойду? Нормально более-менее». И так в госпиталь и не пошел. Неделью плохо слышал, но потом отошел.

А буквально через три дня попали мы под второй налет и уже его ранило. И главное, то же самое получилось. Опять поехали куда-то с ним в часть и там попали под бомбежку. Его ранило, не тяжело, но врач сказала, чтобы я его сопровождал до самого госпиталя. Приехали в Новочеркасск, в госпитале его разместили, но он мне вдруг говорит: «Знаешь что, останешься здесь со мной на несколько дней. Вдруг меня быстро выпишут?» А его, понимаешь, не осколком ранило, а куском стены. А дома же там саманные, и вот, значит, кусочек этого самана ему прямо в ягодицу. Пошло воспаление, и врачи признали, что ему надо там остаться. Я устроился на квартиру недалеко от госпиталя, и каждый день после обеда ходил его проводить. Их в палате трое лежали: он, ко-

мандир танковой бригады и командир танкового батальона.

И вот однажды прихожу под вечер, побыл у них и собрался уходить. Уже тишина в госпитале, все пошли спать. Выхожу на улицу, иду вдоль стены и вдруг слышу за ней какой-то гул. Понять ничего не могу, что это за гул такой? Такой, знаешь, вроде как паяльная лампа горит. А там в стене трещина была, я в нее глянул, а там огонь. Самый настоящий пожар! Видимо, в подвале что-то загорелось или подожгли. Обратное к ним кинулся, так и так. Подняли тревогу, всех успели вынести, ну, а их троих перенесли в дом, где я жил. Целую комнату освободили для них, приходила сестра из госпиталя. Но он мне говорит: «Нет, ты не уезжай пока! Подожди, пока меня переведут в тыловой госпиталь». Ну, и наступило время, я его отвез, простился. Он говорит: «Вот теперь езжай!» И дал мне два письма. Одно – начальнику особого отдела дивизии, а другое его заместителю.

Надо ехать, а как? Смотрю, машина стоит, груженная снарядами. Подхожу: «Вы не в 24-ю дивизию?» – «Да». – «Захватите меня, я же оттуда». – «Ладно, поехали. Если бы обратно, то другое дело. А на фронт – поехали!» Ну, приехал, все нормально, но дело в том, что буквально накануне пришел приказ Верховного Главнокомандующего об откомандировании лётного состава в авиачасти. Стали обратно всех собирать, но к тому времени от 180 человек нас осталось всего 22... Вот так в середине апреля мы оказались в Сальске, там стоял штаб воздушной армии. И там мы с товарищами

получили назначение в 284-й бомбардировочный авиаполк.

Прилетаем на самолете, и первым делом нас повели в столовую. А мы же все оборванные, кто в чем, но нас даже не переодели, сразу в столовую. Покормили, мы, конечно, под впечатлением: «Вот это живут летчики...» Мы же в своем артполку кухню почти не видели. Где она, а где мы – разведчики? Поэтому самое лучшее – это когда в кармане пшеничка есть. Самая настоящая пшеничка. Когда жрать захочешь, пожуешь зерна, и голод пропадает. Вечно искали что-нибудь поесть. Помню, зашли однажды под вечер в какое-то село, мы же почти всегда первые заходим. А там, представляешь, посреди площади навалена огромная куча из мешков. Видимо, немцы перед уходом свезли с каких-то складов эту муку и подожгли. Мы на это дело посмотрели, дай, думаем, возьмем муки немного и скажем, чтобы нам к утру хлеб испекли. Вот захотелось нам нормального хлеба.

Заходим в один домик, а там женщины собрались к вечеру, сидят, плачут. Очень такие, знаешь, измученные. Мы их пожалели: «А что, если принесем вам муки мешочек?» Притащили два мешка, они ее поделили и испекли нам хлеба хорошего. Давно мы не ели такого.

А однажды, в Котельниково это дело было, тоже пошли в разведку уточнить, есть ли там еще немцы. Пришли – немцев нет. Спросили, люди говорят: «Так немцы еще вечером ушли!» Зашли на вокзал, смотрим – стоит эшелон. На платформах несколько танков, а остальные вагоны закрыты. Мы

туда-сюда, всё посмотрели, открыли один вагон. Там консервы. Второй вагон открыли – бочки с мёдом. Третий вагон открыли – там шнапсы разные. Ну, хватит открывать, нам больше ничего и не надо. Набрали шнапса этого, бочку мёда выкатили. Метров на пятьдесят от эшелона оттащили, брезентом накрыли. Но мы же сами это всё не унесем. Послали одного товарища, он привел какую-то брошенную румынскую лошадь. Погрузили и отправили в полк. Он всё довез в целости и сохранности, но нам, конечно, ничего не досталось. Хорошо, кое-что сами припасли. И вот интересный штрих.

Когда мы уже закончили это дело, начался грабёж эшелона. Местное население набежало, вояки разные. И вдруг подъезжает не то танкетка, не то броневик. Её командир обращается ко всем: «Разойдитесь! Разойдитесь!» С пулемета: «Т-р-р-р». Ни хрена! Никакого впечатления... И вдруг, откуда ни возьмись, два «мессера». Тут же никого не осталось возле эшелона. Как корова языком слизала. Сделали круг, немножко с пулеметов построчили и ушли. Представляешь, наши с пулемета стреляют, никакого впечатления. А услышали звук «мессеров» – сразу разбежались все. Так что насчет питания у нас было непросто. А на Дону вообще трудновато. Когда пришли на Дон – никого из казаков нет. Стоят пустые дома. Все ушли, черт их бери... Так что было много и всякой дряни...

После столовой пошли в баню, переодели нас, обмундировали. А после ужина привели в клуб. Там нары стоят, на

них постели застелены. Чистота кругом... Ничего себе, ду-
маем, вот это живут летчики... Не то что я, за всю зиму под
Сталинградом ни разу не спал в доме, только на улице. Ну и
там мы всего за два месяца прошли переподготовку на «пеш-
ки» – Пе-2, это пикирующий бомбардировщик, если знаешь.
И уже с июня полк стал участвовать в боях.

Снова начали почти с Дона и двигались в сторону Укра-
ины. Фронтовая авиация занимается чем? Фронтовыми де-
лами. Наша задача бомбить передовую, укрепрайоны, аэро-
дромы, железнодорожные узлы, скопления танков, вот так в
основном. И насчет аэродромов хочу рассказать.

Под Сталином, сейчас это Донецк, у немцев действовал
сильный аэродром, и уже ближе к осени, в августе, наверное,
нам поставили задачу вывести его из строя. Разбомбить там
всё к чертовой матери.

Полетела вся дивизия – это значит, три полка по четы-
ре девятки, считай, 110 бомбардировщиков и 200 истреби-
телей. Вот вся эта армада в шесть часов утра двинулась на
Сталино, но каждый полк выполнял свою задачу. И мы его
разнесли в пух и прах... Но знаешь, что интересно? Когда
сбрасывают бомбы, от пиропатронов открываются замки, и
они падают. Но, после того как сбросил, мы обязательно про-
дёргивали еще аварийное сбрасывание, чтобы, если какая-то
бомба случайно осталась, не тащить ее домой. Ну а ведь что
такое, собственно, воздушный бой? Я же, повоевав в назем-
ных войсках, оказавшись в авиации, сравнивал. Считай, одно

и то же, что атака в пехоте. Ничем не отличается. Ты идешь, а в тебя стреляют. Только разница, что на земле в тебя лупят автоматчики, там пулеметчики, минометы бьют. А тут нет автоматчиков, нет пулеметчиков, но есть истребители и есть зенитные орудия разных калибров. А остальное, считай, всё одинаково. Ну, условия. Хотя, знаешь, в летных частях есть две касты. Есть белая кость, есть чёрная кость. Весь технический состав – это чёрная кость. А лётный состав – белая кость. Для лётного состава – всё, а технический сам за себя. Но главное отличие – что воздушный бой скоротечный. На земле бой может и целый день идти. А здесь всего-навсего час-полтора. Ты летишь, цель, допустим, километров за 20–30 за линией фронта. А может, и за 50. Ты идешь к линии фронта, и, уже подлетая к ней, ты можешь ожидать истребителей противника. Это – раз. Второе – тебя начинают обстреливать с передовой все кому не лень. Но мы над линией фронта шли 3–3,5 тысячи метров, так чтобы малокалиберные зенитки, «эрликоны» разные, не доставали нас. Но бывало и так, что начинает и средний калибр бить, это уже хуже. Ладно, передовую пролетаем. Если истребителей нет, то мы, значит, идем до цели. Но еще на подходе тебя опять встречают зенитки, и начинается... Главное – первые разрывы. Всегда смотришь, где первые разрывы. Немцы ведь стреляли так – пять выстрелов, смена кассеты, поправка и снова пять выстрелов. И если их тут стоит 20–30 пушек, да еще стреляют точно, а они точно стреляли. А эти разрывы

настолько сильно слышно, вот такие шапки, да еще запах их слышно. Представь, слышно запах! И вот только увидел, что разрывы впереди, тут сразу раз – на 100 метров вверх, и разрывы уже внизу. Знаешь, что следующий перенесёт, и делаешь вправо 15 градусов. Там тоже разрывы, но ты не один, у тебя звено. Я уже штурманом звена был. У тебя звено, они рядом с тобой идут – крыло в крыло. И, собственно говоря, все команды подаёшь ты – штурман. Смотришь и подаёшь команды, а лётчик их выполняет. И когда до цели остается каких-нибудь 4–5 минут, тут уже всё, всякие маневры заканчиваются. Ты становишься на боевой курс, старший штурман дает тебе, допустим, курс – 270, скорость – 360, высота – 3200. И всё, он как замер, так и идет, не двигаясь никуда. И за ним всё звено идет, эскадрилья, а то и полк. Замерли и идут на цель. Вот тут по тебе как хочешь стрелять могут. Но даже когда бомбы сбросили, это ещё не все. Надо обязательно сфотографировать результаты. Обычно в эскадрилье стоят 2–3 фотоаппарата, которые должны все зафиксировать. А если нет фотоподтверждения, то вылет считается недействительным. И вот этот промежуток длится всего 10–15 минут. А если считать от линии фронта, то обычно полчаса все это. А как только пошли на разворот, тут уже в тебя не попадут, разве что случайно. Так вот, я хочу дорассказать про тот вылет, когда мы полетели всей дивизией.

Вылет получился очень удачным: много самолетов сожгли, полностью вывели из строя аэродром, но интересно

другое. В тот вылет мы взяли большие бомбы, по 250 килограммов. И вот у кого-то одна из них не сошла, и он её сбросил аварийно. Она упала за несколько километров от этого аэродрома, но до чего же удачно получилось. Уже потом нам местные жители рассказывали, что эта бомба упала точно в полевую столовую, куда немцы как раз собрались на завтрак. И половину летного состава как корова языком слизала. Вот так случайность иногда помогает... И почти такой же случай был еще в Таганроге.

Пошли на Таганрогский порт шестеркой, и с нами четыре истребителя. С задачей если там есть какое-нибудь плавучее средство, то потопить. Если нет, то отбомбиться по пакгаузам и складам. Пришли, кораблей нет, и отбомбили по пакгаузам. Особенного сопротивления не было, и мы развернулись на город. И на развороте у одного пошла бомба зависшая. И думаешь куда она попала? В офицерский клуб. Как раз дело к вечеру, там уже собралась кодла: офицеры, наши девочки... И эта бомба всех разнесла к чертовой матери... Потом жители города удивлялись: «Ну, какие же летчики, заразы! Всё видят! Надо же, прямо в бардачок попали...» А это чистая случайность! Кстати, потом наш полк и дивизия за те бои получили почетное наименование «Таганрогский».

После Таганрога освобождали Украину и вышли к Крыму. Вот ты знаешь, что Перекоп обороняли в основном части из крымских татар? Поэтому в войсках ходил негласный приказ – в плен их не брать... Ну, а когда часть Крыма освободили,

мы перелетели туда. А в Крыму чего только не бомбили. И по кораблям, и по аэродромам, но больше всего по наземным войскам работали. Пехоте помогали.

Там перед Севастополем есть хребет Мекензиевых гор. На одном склоне немцы, на другом наши, поэтому бомбить переднюю полосу было очень опасно. Если промажешь и вмажешь по своим – попадешь под суд. Поэтому бомбить надо было со всей осторожностью. А на полуострове Херсонес у них действовал аэродром с мощной истребительной группировкой. У них там целая асовская группа работала. Если ничего не путаю, они наш 8-й истребительный авиаполк крепко потрепали. И мы с ними тоже встречались. Помню даже такой случай. Радист мне как-то говорит: «Послушай!» Переключил волну, и я слышу, как Алелюхин (*Алексей Алелюхин – летчик-истребитель 9-го ГИАП, дважды Герой Советского Союза, один из ведущих асов 8-й воздушной армии. – прим. ред.*) говорит своему ведомому: «Заходи, я тебя прикрою!» Потом слышу матом на него: «Да разве так?! Смотри, как надо! Прикрой меня! Вот видишь – горит! Вот так надо!» Недаром у них в 9-м гвардейском одних Героев было человек двадцать.

Бомбардировщиков, особенно пикирующих, на нашем 4-м Украинском фронте не хватало. Считай, на весь фронт всего одна наша авиадивизия, поэтому нас постоянно перебрасывали с одного участка на другой. И обычно прикрытие давали большое – один к двум. На каждый бомбардировщик

два истребителя. Одни, значит, прикрывают непосредственно, а другие барражируют и охраняют коридор.

– *А кто у вас в экипаже был летчиком?*

– Вася Герасимов. А стрелком был Григорий, только фамилию сейчас запамятовал. Причем представь, он у нас по званию был самый старший. Мы сержанты, а он старшина. Со званием тоже интересно получилось. Мы получали зарплату, но как рядовому составу мне были положены 3-кратные фронтовые. То есть мне выдавали мою штурманскую зарплату в 3-кратном размере, и я получал почти как командир полка. Так тянулось, наверное, с полгода, а потом нам прилепили по звездочке и стали получать всего одну зарплату. Вот так, чтобы больно рот не раскрывали. Ну, в общем, про Севастополь расскажу.

В Крыму осталось взять только Севастополь, а никак не могут. В том числе очень сильно мешали этому самолеты с аэродрома на мысе Херсонес, поэтому нам поставили задачу вывести его из строя. В первый раз опять полетели всей дивизией. Где-то 90 бомбардировщиков собрали, полетели, но там зенитный огонь был просто сумасшедший. Как глянешь назад, все белое, в разрывах... Только и думаешь: «Как же мы тут пролетаем, черт возьми?» Вот говорят, «бостоны» плохо горели. *(А-20 – бомбардировщик американского производства, известный в странах содружества под именем «Бостон».* В СССР по ленд-лизу было поставлено 3066 само-

летов различных модификаций, но в основном использовался в качестве ближнего бомбардировщика и разведчика. Самолет имел усиленную броневую защиту и протектированные топливные баки, поэтому считалось, что его труднее сбить. — прим. ред.) У нас в дивизии два полка, наш и 134-й, летали на Пе-2, а 10-й полк на «бостонах». Они в основном ночами летали, на ночную бомбежку. И вот знаешь, там я видел, как один «бостон» с высоты 4000 до 2000 полностью сгорел. Один дым остался... И вот когда весь Крым полностью освободили, нас повезли в Севастополь. Осматривать места, по которым мы работали. И вот, значит, поехали, а в одном месте такая большая поляна недалеко от дороги, и на ней этих зениток столько, что еле сосчитали. Больше сотни... И вот представь, сто разрывов одновременно шарахали... В итоге боевую задачу выполнили, но в том бою мы потеряли 9 самолетов и 27 наших боевых товарищей. Больно вспоминать...

Экипаж: Валентин Карюков, стрелок-радист, пилот Василий Герасимов

А после этого ходили на него каждый день целую неделю. Причем как немцы летали по часам, допустим, в 15 часов они появлялись над городом, так и мы. В 12 часов мы появлялись над аэродромом, бомбили его, но немцы за ночь всё восстанавливали. А мы снова прилетали и снова бомбили, снова прилетали и снова бомбили... Но бомбить его было очень сложно. Понимаешь, мы заходили с суши, сбрасывали бомбы и разворот уже делали над морем. А рядом, километров за двадцать, стоял наш истребительный аэродром. Мы заходили туда, брали истребители с собой и шли на цель.

Немцы это прекрасно знали, и когда мы еще только подлетали к этому истребительному аэродрому, они взлетали, но не встречали нас, потому что боялись попасть под огонь своих же зениток, а уходили в открытое море. Так что истребителей мы там почти никогда не заставляли. И вот только мы отбомбились, уходим в море, и особенно если с пикирования, то звено на скорости растягивается. Боятся столкнуться, вот и растягиваются немножко. Вот тут как раз и появляются немецкие истребители... И если только кто-то оторвался, на него тут же наваливается или двойка, или четверка, и исход зачастую был печальным... Такой случай помню.

У нас был замечательный командир эскадрильи, и, когда немцы его сбили, он выпрыгнул над морем с парашютом. Но при приземлении его неудачно накрыл парашют, и он утонул. Но тело подобрал немецкий катер. Привезли на аэродром, посмотрели, а у него штук пять орденов, три из которых Красного Знамени. Так, представляешь, немцы его похоронили на аэродроме с воинскими почестями. Так что иногда проявлялись и такие чувства... *(Почти наверняка можно утверждать, что здесь идет речь о капитане Вишнякове. По данным ОБД «Мемориал», экипаж командира эскадрильи 135-го ГБАП гв. капитана Вишнякова Евгения Сергеевича 1914 г. р. не вернулся с боевого задания 19.04.44 г. Все члены экипажа: гв. капитан Евгений Вишняков, гв. ст. лейтенант Вячеслав Рыпневский и гв. лейтенант Михаил Сторожук считаются пропавшими без вести. – прим. ред.)*

А в начале войны у них было полное превосходство в воздухе, и ребята рассказывали, что доходило до того, что немцы отобьют один наш самолет, подстраиваются рядом, и один из немцев показывает пальцы. Один и два. Это значит – или с первой атаки тебя сбивать, или со второй? Вот так...

А в последний раз мы там бомбили уже в море. Там и корабли разные, и самоходные баржи. У меня даже где-то есть снимок, как мы с пикирования бомбили один корабль и прямо накрыли его. Потом разведчики сообщили, что он через 15 километров затонул. (Выдержка из наградного листа, по которому командир экипажа, в котором летал Валентин Карюков, старший летчик 135-го ГБАП гв. лейтенант Герасимов Василий Лаврентьевич 1921 г. р., был награжден орденом Красного Знамени: «...18.04.44 бомбардировал опорные узлы сопротивления на Сапун-гора с Н-1400 метров. Несмотря на зенитный огонь и наличие в воздухе истребителей противника – успешно выполнил задание. Фотосхемой подтверждены прямые попадания в траншеи на склонах горы.

...22.04.44 в составе группы самолетов бомбардировал аэродром противника на мысе Херсонес. Несмотря на сильный заградительный огонь ЗА противника и атаки двух Ме-109, задание выполнено успешно. Из 56 разрывов бомб – 18 по летному полю, 29 по стоянкам. Отмечены 2 прямых попадания в склад горючего, в батарею ЗА, в скопление автотранспорта. Зажжено 2 самолета.

5.05.44 в составе 9 Пе-2 бомбардировал укрепленную линию и траншеи противника Ю-3 0,5 км Мекензиевы горы. Из 23 разрывов бомб – 9 прямых попаданий по складу полевого типа, 4 – по ж/д полотну, 3 прямых попадания по оборонительным сооружениям.

8.05.44 бомбардировал аэродром противника на мысе Херсонес. Несмотря на противодействие ЗА и ИА противника, задание было выполнено успешно. Из 115 разрывов бомб – 43 по летному полю, 70 по стоянкам самолетов, 2 прямых попадания в самолеты, зажжен 1 самолет, повреждено – 6. Выведены из строя 2 зенитные батареи...». – <http://www.podvignaroda.ru>.)

Ну, а как Крым освободили, нас перебросили на 3-й Белорусский фронт. Освобождали Белоруссию, Литву и закончили войну в Восточной Пруссии. После взятия Кенигсберга нас должны были перебросить на Берлин. Уже и карты получили, начали готовиться, как вдруг пришел приказ – карты сдать! И направляют нас в Литву, добивать Курляндскую группировку. Знаешь, тогда даже такой анекдот ходил. Наши войска возвращаются из Берлина и спрашивают: «А что это там орудия стреляют? Кто еще там воюет?» – «А это, – говорят, – Баграмян добивает Либавскую группировку». Так что война уже закончилась, а Курляндская группировка еще не сдалась, и нас оставили на ее уничтожение.

– К этому мы еще обязательно вернемся. Вот вы упо-

мнянули про пикирование, и мне интересно, как часто бомбили именно с пикирования?

– Вообще, не так часто. Вот я сделал 156 боевых вылетов, и из них только 20 или 30 вылетов на пикировании. А остальные – бомбометание с горизонтального полета. Понимаешь, на пикировании шли по конкретным целям, когда не надо было площадного бомбометания. Чаще всего, когда, например, укрепрайоны. Вот когда штурмовали Кенигсберг, там же вокруг него стояли шесть фортов. Такие 3-этажные мини-крепости, которые были настолько укреплены, что их никакие снаряды не брали. Так нам привезли специальные бронбойные бомбы, которые прошивали верхнее перекрытие и разрывались уже внутри. И все бы хорошо, тогда уже пехота была приучена атаковать под прикрытием авиации. Сначала проведут бомбометание, как говорится, «всех посадят на дно», потом штурмовики придут работать, и лишь тогда они поднимаются в атаку. Но здесь было очень трудно. В тот день, черт возьми, была плохая погода, высота облачности – всего 600 метров. Бомбить с пикирования с такой высоты никак нельзя. Для пикирования нужна высота не менее трех тысяч. Не менее! Потому что ты с пятисот сбрасываешь бомбы и начинаешь вывод. Это не то что немцы с переворота – раз, на крыло, бросил бомбы и вышел. У нас пологое пикирование. Проходишь угол 45 градусов, ну 50. Вот когда истребителей учили прикрывать, бомбардировщиков на пикировании, так там вообще загнули 60 градусов. Хотя

истребитель если под таким углом войдет, то он может и не выйти. Это сейчас уже по-другому, а тогда так. Расскажу тебе случай.

Как-то мы летали в Гродно бомбить всем полком. Три девятки. Мы шли последней девяткой, и с нами была шестерка прикрытия истребителей. Ну, там уже сопротивление не такое большое, так что шестерка или десятка – не особенная разница. И вдруг слышим по радиии: «Фоккера!» А последняя серия «фоккеров» очень опасная. Смотрим, шестерка «фоккеров» нас атакует. Но понимаешь, мы уже такой опыт имели, что нас так просто не возьмешь. Мы сразу дистанцию уменьшили, интервал. Соединились, сплотились, и представь, вот тебе три звена, девять самолетов. Если ты атакуешь сверху, то тебя встречает девять крупнокалиберных пулеметов. А в каждой ленте есть и трассирующие, чтобы ты тоже видел, куда стреляешь. И когда на тебя идет этот огненный поток девяти пулеметов, то какой бы ты ни был хладнокровный – не удержишься. И точно так же снизу – девять пулеметов стрелков. В принципе, немцы поначалу пытались атаковать снизу, но, после того как мы стали использовать гранаты, они прекратили это дело. Такие специальные авиационные гранаты – АГ-2. Если немец пошел атаковать сзади, то стрелок-радиист ее раз, отстрелил, она на парашютике повисла, и через 3–5 секунд взрыв. А осколки от нее поражают на 150 метров, и если в самолет попадет, то может и сбить. Так что немцы про них уже знали, поэтому атаковали только

издали.

Летный состав 1-й эскадрильи 284-го БАП. Аэродром Люксембург – Розовка, сентябрь 1943 г.

Слева направо, стоят в 3–4-м ряду: Молчанов, Леонид Инжеватов, Петр Баглай, Владимир Монаев, Федор Комаров, Виктор Шубин, Валентин Карюков, Василий Герасимов? Михаил Тудаков, Николай Помелуйко, Николай Угаров, Николай Васюшкин;

Стоят во 2-м ряду: Иван Соболев, Владимир Пеший, Константин Таюрский, Петр Моисеев, Дмитрий Шопен, Павел Панфилов, Алексей Воинов, Мартын Иванченко, Андрей Заплавнов, Алексей Сенкевич.

Сидят: штурман эскадрильи Вячеслав Рыпневский, Александр Пронин, Николай Бондаренко, Александр Селедкин, комэск Евгений Вишняков, начальник связи эскадрильи Михаил Сторожук, Василий Дегтярь, Борис Болдырев

– А вот как штурман держится на пикировании? У него же откидное сиденье.

– Как хочешь, но держись. Упрешься ногами в бронеспинку пилота и в принципе держишься. Даже ремнями не пристегивались. Но если тряхнет, конечно, не удержишься. Но в пикировании ты же с пулемета не стреляешь, только в прицел можешь смотреть.

– А на пикировании летчик прицеливается?

– Да, даешь ему переход. Он раз – в цель, и пошел. Вот он идет, приближается, сбросил бомбы. Кстати, знаешь, у нас в полку два случая было, когда сами под свои бомбы чуть не попали.

Первый случай еще на Дону, в один из первых наших вылетов. Пошли как раз с пикированием. А у человека есть такая привычка. Вот ты, например, уже выстрелил, и тебе кажется, что если довести прицел, то пуля попадет лучше. Так и на самолете. Вот ты сбросил бомбы, но цель уходит под тебя, и ты ее по неопытности хочешь вроде как дожать. Как бы дожимаешь самолет, пошел, пошел, и получается, что в этот момент ты обгоняешь и залезаешь под свои же бомбы.

Ведь скорость все время растет. И представь, тогда над нами пролетели наши бомбы... А второй случай еще интереснее.

Командиром звена был у нас Костя Таюрский, хороший парень. И вот как-то отбомбили цель, вышел из пикирования, глянул: «Елки-палки!» Между двигателем и кабиной лежит 250-килограммовая дура... Представляешь?! Без взрывателя уже, без этой вертушки... По спине, конечно, мурашки побежали... Понятно, сбросить надо, а как? Попытался накренить, чтобы скатить ее – двигатель не дает. Хотел вперед сбросить, а тут же винты. В общем, возился, возился, и пока сбросил ее, поседел... Вот такие вещи тоже случались. И ещё интересный случай расскажу.

Был у нас один штурман, еврей. Он еще говорил: «Я, мол, за всех евреев воюю». Так его дважды сбивали, один раз под Сталинградом. И он рассказывал: «Меня спас реглан! Если бы не он, я бы точно сгорел!» Потому что он выпрыгивал уже из горящего самолета, а натуральная кожа всё-таки не так горит, и это спасло ему жизнь.

И еще один случай хочу рассказать. Полетели на бомбометание, и вот один экипаж подбивают на подходе к цели. Ну, летчика ранило. Штурмана Ткаченко тоже зацепило, но несильно. Самолет начинает падать, но штурман берет управление и с большим трудом сажает на брюхо. Но во время посадки сильно ударился и потерял сознание. Летчик без сознания, и Ткаченко потерял. Остался только стрелок-радист Загоруйко. Он начал вытаскивать их из самолета.

та, а тут уже немцы к ним бегут. Тогда он начал из ШКАСа отстреливаться. Когда патроны кончились, из пистолета стал отстреливаться. А последней пулей застрелился... Не сдался! После войны одну школу в Николаеве, что ли, называли его именем. А сейчас даже не знаю, переименовали или нет. (По данным ОБД «Мемориал», стрелок-радист 135-го ГБАП Загоруйко Николай Федосеевич 1920 г. р. не вернулся с боевого задания 17.03.44 года. Впоследствии выяснилось, что его экипаж был сбит ЗА противника в районе ж/д моста через Южный Буг. Не желая сдаться в плен, застрелился. – <http://www.obd-memorial.ru>.)

В общем, немцы подбежали, а летчик и штурман без сознания. Их грузят на повозку, привезли к себе и поместили в лазарет. Но их даже на допросы не вызывали, потому что наши русские врачи, которые там работали, перевели их в тифозное отделение, куда немцы не заходили. А недели через две наши их освободили, и вскоре вернулись к нам. (В базе данных ОБД «Мемориал» есть сведения, что экипаж 135-го ГБАП гв. мл. лейтенанта Василия Голубева не вернулся с боевого задания 17.03.44 года. Как впоследствии выяснилось, экипаж совершил вынужденную посадку у села Варваровка Николаевской области. – <http://www.obd-memorial.ru>.)

После возвращения Ткаченко стал летать с командиром звена Колей Прозвонченковым. И вот уже в самом конце войны они пошли девяткой на Пиллау. Но при заходе на цель их подбили, двигатель, по-моему, горел, и немецкие истре-

бители кинулись их добивать. Но Ткаченко успел сбить одного из них, и оба горящих самолета пошли вниз. А летят же над морем, над этим заливом, а Коля то ли плавать не умел, то ли что, но он всегда говорил так: «Я никогда не буду прыгать! Буду тянуть до последнего!» И он потащил. А там же всего ничего, они дотянули, но при посадке самолет взорвался... Вот такая трагическая судьба постигла моего товарища. Был сбит, попал в лагерь, освобожден, опять сбит и смерть... Жалко ребят до слез... *(По данным ОБД «Мемориал», экипаж командира звена 135-го ГБАП гв. ст. лейтенанта Прозвонченкова Николая Ивановича, в составе штурмана гв. мл. лейтенанта Ткаченко Адама Ивановича и стрелка-радиста Марьюшкина Виктора Петровича разбился и сгорел вместе с самолетом в Пиллау 25.04.1945 года. Весь экипаж похоронен в братской могиле в г. Балтийск, – <http://www.obd-memorial.ru>.)*

Вот говорят, потери, потери. А я тебе скажу, что когда мы осенью 43-го подошли к Крыму, то, чтобы полететь двум девяткам, нужно было собирать экипажи и самолеты со всех эскадрилий. То есть за каких-то три-четыре месяца мы потеряли почти пятьдесят процентов летного состава... Потом снова прислали летчиков. Обучили их и опять стали летать. И снова у нас потери, потери, потери... Редкий вылет обходился без потерь... Снова пополнение. Но вот что интересно. Те ребята, которые выжили после первых боев, почти все до конца войны летали. Всего один или два экипажа потеря-

ли. Это, конечно, говорит об опыте, умении. Все-таки, как только научишься немного воевать, тут уже понимаешь, как уходить от ударов, как наносить.

Передача полку именованного Пе-2 «Таганрогский пионер»,
19 мая 1944 г., Крым

– *Я читал, что у вас в полку был именной самолет – «Таганрогский пионер».*

– Насколько я помню, его в Крыму уже получили. Да, точно, в Крыму. После освобождения Таганрога пионерская организация решила сделать подарок фронту. Как-то там собрали деньги на самолет, а так как наш полк носил почетное наименование Таганрогский, то его вручили нам.

– А кто на нем летал?

– Вот этого я уже не помню. (Бомбардировщик был построен на деньги, собранные таганрогскими школьниками, и был передан 135-му ГБАП в День пионерии 19 мая 1944 года на аэродроме Веселое в Крыму. Первый экипаж составили: летчик Петр Моисеев, штурман Владимир Пеший и стрелок-радист Владимир Монаев. Кроме Петра Моисеева, на самолете летали Андрей Заплавнов и Николай Бондаренко, написавший впоследствии книгу «Летим на разведку». Все экипажи пережили войну. Всего «Таганрогский пионер» совершил 73 боевых вылета, но использовался в основном для разведки. – <http://waralbum.ru/29680>.)

– Как вам пулемет Березина?

– Хороший! Часто, почти каждый полет приходилось им пользоваться. Я же рассказывал о том, как «фоккера» гнали нашу девятку шестьдесят километров? Атаковали-атаковали, но так и не смогли кого-то сбить. Это говорит о чем? О том, что стрелять умели, и они даже не могли приблизиться толком. (Выдержка из наградного листа, по которому командир звена 135-го ГБАП гв. лейтенант Таюрский Константин Дмитриевич был награжден орденом Отечественной войны I степени: «...16.7.44, будучи ведомым в составе группы, произвел бомбардировочный удар по укреплениям противника в южной части города Гродно. При отхо-

де от цели был атакован группой ФВ-190. Воздушный бой длился 10 минут. Благодаря отличной технике пилотирования и дружному огню, все атаки противника были отбиты...» – <http://www.podvignaroda.ru>.) И по наземным целям тоже стреляли. Ведь когда к цели подходишь, стрелок-радист обязательно стреляет из нижнего пулемета по зениткам.

Слева направо: летчик Анатолий Балабанов, стрелок-радист А. Корякин, штурман Николай Воробьев

– *А какую нагрузку обычно таскали?*

– Обычно так: две бомбы по 250 и еще по паре, всего 900

килограммов. Причем все вешали только на внешнюю подвеску.

– *А по сколько вылетов делали в день?*

– Чаще всего один, изредка два и максимально – три вылета. Всего один-единственный раз, помню, сделали за день три вылета. Два вылета – это бывало. Утром вылет и после обеда можем полететь. А три вылета – это, конечно, очень тяжело. Во-первых, три раза в бой идти – это не шутки. Это же помимо физической еще и огромная психологическая нагрузка. Но это зависит от того, дает штаб дивизии задания или нет. Если на утро, часов на шесть-семь-восемь, задания нет, то мы свободно встаем, идем, завтракаем. Сели в машину и поехали к самолетам. И если нет задания, особенно летом, то просто чудесно. Нам строили навесы такие, под них сена навалят, и мы приезжали с машины – бух туда, досыпать. И ждем. А если очень рано уехали, через какое-то время официантки появляются: «Идите кушать!» И вот мы поели, если нет ничего, снова туда же. Но это редко так.

– *А танцы вечером устраивали?*

– Обязательно. Мы всегда к ужину приезжали, и как поели, пошли туда, где баян. Мы же в населенном пункте всегда располагались. Всего один или два раза на аэродроме жили. Хотя нет, в Литве, Пруссии, там же никаких деревень не было. А вот на русской территории после ужина смотрим –

гармонист уже играет, молодежь собралась, в основном девчата. Ну и пошли.

– *Романы случались?*

– Конечно! Ведь все молодые совсем. В основном такие полевые романы с девчонками из БАО (батальон аэродромного обслуживания), но некоторые даже поженились. У меня тоже была одна симпатия. Она потом врачом служила в 9-м гвардейском и вышла там замуж за одного Героя. Вот ты читал у Лермонтова рассказ «Фаталист»? Там говорится о том, что судьба каждого человека предначертана. Вот такой случай расскажу.

В полку почти все оружейницы были девушки, и за одной из них, очень симпатичной девчонкой, многие пытались ухаживать. И вот она с одним летчиком закрутила, любовь пошла. Но его сбивают, там печаль... Потом новая любовь, снова с летчиком, и тоже его сбивают. Прошло время, третий – и третьего сбивают. Тут она как отрезала – всё, хватит любви...

Потом прилетели мы в Смоленск. Там большой аэродром, вся дивизия стояла. И стоял еще истребительный полк, вот этот 9-й гвардейский. И вот представляешь, начались там танцульки. Ну, и наши девушки, конечно, пошли. И её прицелил один истребитель. Но там же все всё знают, и ему говорят: «Не ходи с ней!» Он отмахнулся: «А, сказки...»

– *Сбили?*

– Хуже. Полетели в зону, и разбился... Вот что это, случайность?

– *Не знаю.*

– И я не знаю...

– *По-моему, эту историю я уже где-то слышал.*

– Это в нашем полку было, точно тебе говорю. А была у нас другая оружейница, так она «сотку» – бомбу 100-килограммовую – подвешивала сама. Представляешь, все вдвоем еле-еле подвешивают, а она одна могла. Такая мощная была. Но вот однажды разряжала пулемет, а там патрон остался или чёрт его знает как, но она спустила курок, и ей прямо в ногу. Не помню уже, задело кость или нет, но ранение очень серьезное. Там же патрон 12,5-мм, рельсу пробивал....

А был еще случай, когда два офицера из-за девушки дуэль устроили. Подробностей, правда, я не знаю. Но командир эскадрильи, как сейчас вижу его перед собой, а вот фамилия вылетела, он это дело узнал. Ну, как же, там же всё на виду. В общем, он их прихватил и такой разгон дал: «Надо там стреляться, а не здесь!»

– *А вы помогли летчику сажать машину?*

– Нет, я так немного помогал вести её, а сажать не приходилось.

– *Просто я где-то читал, что на Пе-2 там такой прогрессирующий, и при посадке штурман обхватывал летчика руками.*

– Ну, это если летчик плохо садится, то можно прыгнуть настолько, что и шасси поломаешь. Но это если плохой летчик. А у меня Вася был отличный летчик. *(На сайте <http://www.podvignaroda.ru> есть наградные листы, по которым командир звена 135-го ГБАП гв. ст. лейтенант Герасимов Василий Лаврентьевич 1921 г. р. был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны II и I степени. – прим. ред.)* Всю войну только с ним летал, и лишь однажды мы горели. Там как произошло? От цели вышли, вдруг радист сообщает: «За нами шлейф дыма!» Глянули, точно с правого двигателя. Вася посмотрел, посмотрел и говорит: «Это масло! Двигатель пробит, и он сейчас может загореться». Тогда он его выключил, а на одном двигателе «пешка» ходит плохо. В набор почти не идёт, только прямолинейно со снижением потихоньку. И так мы до самого аэродрома тянули. На второй круг даже не думаем уходить, это уже каюк. Так он и не загорелся. Но когда сели, посмотрели, а там вот такая дырища... Как в той песне поется: «Хвост горит, бак пробит, но машина летит...»

– *«На честном слове, на одном крыле».*

– А раз пошли большой группой на Гумбиннен. Три де-

вятки и около двадцати истребителей прикрытия. Уже почти на цель вышли, идем, остается до нее минуты три-четыре, как вдруг сильный разрыв зенитного снаряда под крылом. Самолет сильно качнуло, и по внутренней связи голос нашего радиста: «Рация разбита, я ранен!» Спрашиваю Гришку: «Сильно ранен? Терпеть можешь? До цели всего три минуты». – «Не знаю, – отвечает, – попробую». Наконец бомбы сбросили – железнодорожный узел в огне. А как развернулись, дают нам команду выйти со строя и на форсаже домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.